

— Господин Цзян, если вы сможете уговорить господина Хэ, пожалуйста, навестите его. Он сегодня взял больничный, когда звонил мне утром, голос так осип, что слов не разобрать. Господин Хэ почти никогда не болеет, за все годы работы это первый раз, когда он взял больничный. Я предложил зайти, посмотреть, нужна ли помощь, но он преградил мне дорогу, даже избил и не пустил. Я... я теперь просто не знаю, что делать...

Услышав, что Хэ Цзинлинь так сильно заболел, Цзян Фэн тоже забеспокоился и немедленно уточнил адрес, собираясь выехать прямо сейчас. Как раз Ван Янь вечером приготовила питательный суп из черной курицы, и, узнав, что господин Хэ болен, добавила больше имбиря для снятия жара и проварила подольше, налив немного в термос для Цзян Фэна.

У Цзян Фэна не было машины, обычно он передвигался на автобусе или метро, но на этот раз, волнуясь за Хэ Цзинлиня, он вызвал такси. Несмотря на то, что дом Хэ Цзинлиня находился далеко, и счётчик такси безумно крутился, он не обращал внимания на траты. Когда он наконец добрался до коттеджа Хэ Цзинлиня в пригороде, уже начинало темнеть.

Он стоял на ступенях перед двухэтажным домом с синей крышей и белыми стенами, внешний вид которого был настолько заурядным, что не вызывал никаких эмоций — ни хороших, ни плохих. Цзян Фэн тщательно сверился с адресом, убедился, что не ошибся, и нажал кнопку звонка.

В коттеджном посёлке, где жил Хэ Цзинлинь, застройщики продавали только участки, а каждый дом строился по индивидуальному проекту владельца, поэтому по архитектурному стилю можно было судить о вкусах и характере хозяина. Проезжая по улице, Цзян Фэн видел дома в особо современном стиле, в деревенском, под классическую греческую и римскую архитектуру, а также один дом, похожий на дом с привидениями: в темном провале входа горели тусклые желтые фонарики, от одного взгляда на которые по спине пробегал холодок.

На их фоне дом Хэ Цзинлиня казался слишком скучным. Хотя это был отдельный дом с участком площадью не меньше 6–7 соток — один из самых больших в посёлке, — архитектурное решение было совершенно лишённым особенностей.

Самый обычный дом со скатной крышей из синей черепицы и белыми стенами, минималистичный до предела, без каких-либо попыток выделиться. На участке был только газон и обычная асфальтированная дорожка, в отличие от других соседей, у которых были клумбы, фонтаны, мостики и ручьи. Живая изгородь вокруг участка была подрезана всего лишь по пояс, что в районе, где обычно строили высокие заборы для защиты приватности, выглядело даже странно.

Цзян Фэн вспомнил своё первое впечатление о Хэ Цзинлине. Тогда ему казалось, что этот человек похож на ходячий свод законов, каждое движение которого всегда точно и безупречно. Теперь, увидев его дом, он снова вздохнул.

Насколько же чистым и открытым должен быть человек, наследник семьи с миллиардным состоянием, чтобы жить в таком доме? Всё в нём было предельно честно, но и пусто, словно у него не было собственных предпочтений, личности, желаний. Он был просто символом бизнес-элиты, идеальным наследником клана Хэ.

...Зачем же такой человек втянул его в свои игры?

Хотя в конце весны стало заметно теплее, дни были всё ещё короткими, и через двадцать минут после захода солнца наступала полная темнота. Цзян Фэн нажал на звонок, но домофон молчал. Пока он ждал, небо окончательно почернело.

Он всё сильнее чувствовал, что его белая рубашка и джинсы стоимостью меньше 300 юаней, а также пластиковый термос с Пикачу в руках совершенно не вписываются в это место. Особенно теперь, когда его не пускают внутрь, он стоял уже довольно долго и чувствовал себя крайне неуютно, поэтому начал яростно нажимать на кнопку звонка — Хэ Цзинлинь, открывай, я знаю, что ты дома!

На восемнадцатый раз хозяин дома, наконец, не выдержал и ответил на вызов.

— ...Сяо Чэн, я говорил не беспокоить меня. Если продолжишь, завтра можешь уволняться, — голос в трубке был очень тихим, его едва можно было разобрать за треском статического электричества, но было слышно, что говорить хозяину крайне трудно.

Внезапно услышав голос Хэ Цзинлиня, Цзян Фэн сжался и резко вспомнил — чёрт, что же говорил Сяо Чэн? Кажется, он приходил навестить Хэ Цзинлиня, но тот преградил ему путь, избил...

— Кхм... — он замер на мгновение, затем глухо произнёс:

— Это я.

Той стороны ensued долгая пауза. Цзян Фэн испугался, что Хэ Цзинлинь снова повесит трубку, и поспешно крикнул:

— Ну открой хоть дверь, дай мне на тебя посмотреть! Я не уйду, пока не увижу тебя сегодня! Как ты мог за ночь так сильно заболеть? Я...

Не договорив, он увидел, как дверь открылась изнутри. Цзян Фэн замер, глядя на человека в дверях, и забыл, что хотел сказать дальше. Мужчина был одет в светло-голубой домашний костюм и стоял прямо, не выказывая признаков слабости или упадка сил, только волосы, обычно уложенные в безупречно жёсткую причёску, были слегка растрепаны, что придавало ему гораздо более мягкий вид.

Судя по всему, у него ещё были силы, чтобы кого-то побить...

— Прости, я не посмотрел на монитор, подумал, это снова Сяо Чэн.

— Ты и меня прогонишь и избьёшь у двери? — Цзян Фэн поднял голову и не отрываясь смотрел в глаза Хэ Цзинлиню. Тот смотрел на него некоторое время, затем губы его тронула странно короткая улыбка, и он посторонился, пропуская Цзян Фэна.

— Сяо Чэн тебя прислал? Этот парень умеет искать подмогу...

— А может, я сам захотел прийти... — пробормотал Цзян Фэн, без церемоний заходя в дом. Он немного удивился, что дверь открыл сам Хэ Цзинлинь, и, окинув взглядом гостиную, обнаружил, что прислуги в доме не было.

— Ты дома один?

— Я не люблю, когда горничные живут со мной, поэтому нанимаю подёнщиц только по утрам для уборки, но сегодня я её отправил. Хэ Цзинлинь несколько раз откашлялся, пытаясь, чтобы голос звучал яснее, и каждый раз Цзян Фэна передёргивало от сочувствия.

— Если ты не можешь говорить, не говори, не больно ли... — по одному только голосу Цзян Фэн

понимал, что миндалины Хэ Цзинлиня опухли размером с грецкий орех. Не то что говорить — глотать, наверное, было так больно, будто по горлу режут ножом.

Хэ Цзинлинь, хотя и не был в обычном деловом костюме, был одет аккуратно, видно было, что он не лежал в постели. В гостиной горела только одна лампа, индикатор DVD-плеера исходил холодным тусклым светом. Цзян Фэн бегло взглянул на обложку диска, небрежно лежавшую на аудиосистеме: на чёрном фоне белыми буквами было написано — «Prelude — Увертюра. Фомальгаут».

Единственный «альбом», который когда-то записали Юйфэн и Маленький Босс.

Ему казалось, что взгляд прилип к обложке, дыхание участилось. Лишь когда Хэ Цзинлинь спросил: «В чём дело?», он резко очнулся.

— Ничего... Садись, я посмотрю твоё горло, — он поставил термос на журнальный столик, обернулся и заметил бутылку саке «Дассай Дзюнмай Дайгиндзё», из которой уже выпили больше половины. — Болеешь, а ещё пьёшь...

— Это хорошее вино, — хриплый голос Хэ Цзинлиня всё ещё звучал с улыбкой. Он послушно сел на диван и запрокинул голову, открыв рот. Цзян Фэн встал перед ним, включил фонарик на телефоне и осветил в горло — миндалины действительно превратились в два огромных шарика.

— Кажется, нет гноя... — Цзян Фэн очень долго и внимательно смотрел, но так и не нашёл нарывов, лишь тогда с облегчением выдохнул и выключил фонарик. От Хэ Цзинлиня исходил густой аромат дорогого саке, подняв глаза, Цзян Фэн увидел, что они полны красных прожилок, но взгляд был глубоким, полным нежности и удовлетворения.

Когда Цзян Фэн выпрямился, Хэ Цзинлинь обнял его за талию и уткнулся лицом ему в живот. Цзян Фэн слегка пошатнулся от неожиданности, но, возможно, из-за слишком опьяняющего аромата саке, впервые совсем не захотел вырваться и позволил ему так обнимать себя, потянувшись рукой ко лбу Хэ Цзинлиня, чтобы проверить температуру.

— Небольшая температура... Лекарства принимал?

— Нет, я противник антибиотиков.

Антибиотики наносят серьёзный вред собственному иммунитету организма. Люди вроде Хэ Цзинлиня, которые следят за своим телом, предпочитают перетерпеть болезнь. Цзян Фэн хотя и считал это somewhat masochistic, мог его понять.

<http://bllate.org/book/16452/1492447>